

and so θ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Iris Smile

Интервью после

$$P_0 = (V_1 - V_2)$$
$$\frac{\pi}{2} \leq \theta \leq \pi$$
$$x \text{ and } y = 5$$
$$= A + B \cos \pi$$
$$\theta \leq \pi \leq \pi$$
$$= A - B$$
$$\cos \pi = -1$$

12+

Iris Smile

Интервью после

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42540739

SelfPub; 2019

Аннотация

Городская новелла о любви, перемещениях во времени. Три главных героя. Все имена – выдумка автора.

Содержание

Глава 1 Маргарет	4
Глава 2 Остров Самос	14
Глава 3 Браннен	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1 Маргарет

Маргарет закрывает глаза и почти неслышно вспоминает. Лицо. Его лицо. В их последнюю встречу. Можно сказать уже и так. В ту последнюю встречу. Без повторений, продолжений, без тревожных оглядок назад. Без придирчивого осматривания себя в зеркало перед каждым новым свиданием, если только эти встречи, можно было назвать свиданиями. Почти наяву, но уже тысячу лет назад. Или две тысячи лет? До или после этого слова «сейчас». Они так часто встречались за это время, сталкиваясь в разных пространствах, странах, столетиях, даже снах. Он неожиданно возникал в ее жизни, потом также неожиданно пропадал. В какой-то момент она уже почти забывала его, но это длилось недолго. Как сейчас, так и в те далекие времена, которые хранились в ее памяти. Маргарет улыбается своим мыслям. Улыбается, вспоминая его глаза, изменчивые улыбки, недосказанные взгляды, запреты на губах и откровенные слова, которые он использовал с такой стремительностью и порывистостью. С такой щемящей отчетливостью и болезненным удовлетворением. Маргарет пытается стереть из памяти то, что было совсем рядом, или то, что случилось с ней в прошлом.

А в тот последний день было странным удовольствием наблюдать за его лицом и глазами полными слез. Сколько смирения, отчаянья, безнадежности. В ту последнюю встречу.

Маргарет никогда не видела его таким.

Маргарет никогда не увидит его. Не увидит?

Ральф, записывающий что-то в свою записную книжку, прервался и внимательно посмотрел на девушку. Она выглядела усталой, но спокойной.

– В зале суда соберется много слушателей на этот раз. Ваши показания будут важны для нас. Вы уверены, что готовы повторить это на суде, – спросил он.

– Это будет просто. У меня не так много воспоминаний, связанных с этим человеком. Мы общались не долго, – Маргарет сделала акцент на слове «общались» и спокойно посмотрела на инспектора.

– В этот год? Последний год? – удивленно спросил он. – Вас часто видели.

– Как и многих из его знакомых. Ни много, ни мало. Обычных людей из его жизни. Из его обычной жизни. Верницей окружающих его. Думаете, он замечал их?

Ральф снял очки, и устало протер глаза. Девушка все больше и больше не нравилась ему.

– Маргарет, – тихо сказал он. Возможно, вы обижены, даже оскорблены. Но многое уже не так важно.

– Всё – не так уж важно, – усмехнулась она, незаметно рассматривая угловатого и скромно одетого инспектора.

– Всё не так уж важно, – послушно повторил он. – Но пропал человек. Его ищут уже почти три месяца. Вы одна из последних, кто его видел.

– Одна из?

– Не придирайтесь к словам, – инспектор начинал терять терпение. Дело, которое казалось ему таким простым и банальным, начинало запутываться из-за упрямства какой-то самодовольной девчонки.

– В тот день, в тот последний день, – тихо сказала девушка. – В тот вечер. Его видели многие. Было много гостей на этом празднике. И «общался» он не только со мной. И в этот день, и в предыдущие...

Возникла небольшая пауза, после которой она продолжила.

– Он спросил меня про мое недавнее путешествие. Посмеялся над парой моих шуток. Подарил мне нежный взгляд. Один из тех, которые так нравятся его обожательницам. Был, как всегда, возбужден...

– Возбужден? – удивленно спросил Ральф, продолжая записывать.

– Ну да, – засмеялась Маргарет. – Очень возбужден перед выходом своей очередной книги. У него должно было быть, кажется, интервью. Или уже было. Я не помню. Нас постоянно прерывали его бесчисленные гости, какие-то снующие взад и вперед журналисты. А может быть это были официанты? Я в последнее время не делаю разницы между первыми и вторыми. Они так похожи, – Маргарет видела недовольный взгляд инспектора, но ей хотелось вспоминать детали бесполезных подробностей, которые были не только не интересны,

но и раздражали. Особенно сейчас, когда дело все больше и больше запутывалось, не давая ожидаемого результата.

– Они невпопад задавали вопросы, – продолжала она – Даже мне. Мы не так долго разговаривали...

– Не долго, верно – настала очередь инспектора. – Но некоторые из гостей утверждают, что Вы были не очень любезны в этот вечер. И хотя вашу беседу никто не слышал, многие заметили, что разговор носил отнюдь не спокойный и дружелюбный характер. Многие заметили, как изменилось его лицо после пары ваших фраз. Я не уверен, что эти слова были о вашем путешествии...

– Бросьте, инспектор, – гостям было не до нас. Слишком много было выпивки. К тому же громко играла музыка. Я даже помню, какая играла музыка в тот вечер...

Девушка сделала вид, что вспоминает музыку и попыталась напеть что-то.

– Но даже громкая музыка не смогла скрыть злости на вашем лице и растерянности на его, – Ральф раздражался все больше и больше.

«Идиот», – думала про себя девушка.

Спустя три месяца после исчезновения известного писателя газетная шумиха не стихала, обрастая новыми, шокирующими, пикантными, бесстыдными и откровенными подробностями чужой жизни. Существовало несколько версий, пустых, иногда комичных, почти бездарных, как и всё в этой снующей взад и вперед толпе бывших прихлебателей

и завистников. Самая главная версия, которой придерживалось следствие, делала неоднозначные намеки на то, что Стива похитили за долги, а не получив обещанное, уничтожили. Многие из ближнего окружения знали некоторые пристрастия писателя, придумавшего себе псевдоним Стив Хоррис.

«Хотите услышать всю правду о Стиве Хоррисе?!?» – пестрели заголовками многие газеты, журналы и интернет порталы. За этим следовали детали откровенных признаний бывших «друзей, подруг, любовниц и бойфрендов.

– Стив был ненасытный, жадный до удовольствий, очень наблюдательный и безумно талантливый человек, – тараторила с экрана телевизора накрашенная как кукла Барби ведущая известного телеканала.

– Хоррис шокировал всех при жизни и продолжает насмехаться над своими читателями даже с того света, – резюмировала самая агрессивная из всех католических газет.

– Известный писатель покончил жизнь самоубийством из-за несчастной любви, – участливо делился очередным откровением гламурный журнал.

– Премьера новой песни, посвященной Стиву Хоррису! Эксклюзивно на нашем канале – анонсировала ведущая радиостанция, повышая рейтинг своего канала.

Скандал удобно расположился в кресле, напоминающем огнедышащего дракона, из пасти которого вылезали исписанные неровным почерком страницы рукописей. Тиражи новых и старых книг раскупались мгновенно. Особен-

но дневники писателя, каким-то образом, попавшие в лапы жадных до сенсаций и прибыли издательств.

– Это правда, что некоторые свои книги он писал от руки? – спросил Ральф.

– Если вы имеете в виду дневники, то их он действительно писал, а не печатал. Но большинство книг были напечатаны и хранились в его ноутбуке. Он был аккуратен в своих записях. Каждый файл шифровался отдельным именем. Именно именем, – усмехнулась Маргарет. – Он любил присваивать собственные имена своим книгам, как будто они были его старыми друзьями. Только потом книги получали названия. Вот, например, его последняя новелла «Влюбленный» носила название «Грег». А самый ранний роман «Вместе – никогда» он называл «Шарлотта».

– Забавно, – задумчиво произнес Ральф, перестав записывать. – А откуда вы знали об этом.

– Он не скрывал, рассказывал об этом многим из нас. Его ..., – девушка запнулась, а потом увереннее произнесла, – Его знакомым и друзьям.

– А как вы познакомились? – с деланным безразличием спросил инспектор.

Маргарет с трудом удалось сдержаться, чтобы не рассмеяться в лицо наивному инспектору.

– В самый первый раз? – сделав напряженное лицо, спросила она.

Ральф недоуменно посмотрел на еле сдерживающуюся от

смеха девушку, с искрящимися от удовольствия глазами, не понимая причину.

– А были другие разы? – сняв очки и прищулив близорукие глаза, подозрительно спросил инспектор.

– Я имела в виду, что впервые познакомилась со Стивом Хоррисом, прочитав его книгу. – Это ведь тоже знакомство, заочное, но знакомство, – покорно склонив голову, сказала Маргарет. – А попав на встречу с ним, подписывая книгу, слово за слово... даже не помню, как так получилось, но мы обменялись телефонами.

Инспектор самодовольно усмехнулся. Он прекрасно знал, как молоденькие и неопытные девушки любят знакомиться со знаменитостями. Известный трюк, обмен телефонами, или мейлами при получении автографа, был известен с давних времен.

Ничуть не смутившись, Маргарет кивнула головой и продолжила

– Если вы имеете в виду, кто первый оставил свой телефон, то можете не сомневаться, это была я. Если мне нравится мужчина, я первая оставляю ему свой номер.

Ральф надел очки, и, опустив глаза, продолжал записывать.

– А Стив – был удивительный. Всегда удивляющий. Постоянно меняющийся. Слегка насмешливой, с допустимыми нотками запретных желаний и понимания человеческих слабостей. Того, что люди привыкли скрывать, стесняясь соб-

ственных импульсов. Маргарет говорила уже почти с вызовом.

– Вы были влюблены в него? – тихо спросил Ральф.

Маргарет не удержалась от смеха и в этот раз.

– Была. И в этот раз, и в предыдущие. Каждый раз, когда мы встречались, я влюблялась в него заново. Каждый раз не узнавая, добиваясь своего, теряя его, чтобы встретиться снова. Снова и снова. Тогда и сейчас.

Маргарет так хотелось рассказать кому-то обо всем, что случилось с ней при каждой встрече с человеком, которого полиция искала уже три месяца, а родные и друзья, не могли сдержать слез при упоминании его имени.

– Хотите, расскажу, как мы впервые встретились? – не удержалась она.

Ральф заметил, что голос Маргарет дрожит от нетерпения, и это не было похоже на шутку взбалмошной девчонки, влюбившейся в знаменитость. В голове инспектора пронеслось, что девушка могла быть просто не здорова. Или, не оправившись от случившегося, пыталась выдать желаемое за действительность.

– Детали ваших личных отношений не так интересны следствию, – спокойно произнес он, убирая записную книжку.

– Вы не любопытны, инспектор, – откинувшись на спинку стула, девушка внимательно смотрела на Ральфа. – Но я могу понять вас и ваше следствие. Выслушивать каждого друга,

или подружку Стива! О, вам не хватит всей жизни. Он всегда окружал себя обожателями своего таланта. У каждого будет история. Единственная в своем роде.

Инспектор встал, собираясь попрощаться, но Маргарет, почти силой усадила его обратно.

«Ральф не жилец, это точно, – лихорадочно думала она про себя. «Но мне так хочется рассказать ему обо всем. О нас. О Стиве и обо мне...»

– Выслушайте меня, просто так, у вас же есть время? – Маргарет выглядела по-настоящему взволнованной.

Ральф послушно сел, мысленно ругая себя за слабость и неумение отказывать сразу. Но не только это остановило его от ухода. Было что-то в этой девушке тревожное, беспокоящее, отталкивающее и даже опасное. Следствие не брало в расчет поклонников и случайных знакомых знаменитого писателя. К тому же у Маргарет было твердое алиби, подтвержденное почти всеми гостями: после вечеринки, она уехала с друзьями на машине. И ночь провела дома, что было также подтверждено ее родителями, с которыми она жила. И следующие три дня Маргарет была в университете, не пропустив ни одной лекции. Даже, когда она вечером выходила с собакой, ее видели соседи и бармен за стойкой в соседнем кафе.

Ральф понимал, что попросту теряет время, но послушно уселся обратно в кресло и приготовился слушать.

После первых фраз, возникла пауза. Помолчав некото-

рое время и убедившись, что ее начало произвело эффект на Ральфа, она продолжила. А инспектор, слушая дальше сначала сбивчивый, а потом все более и более уверенный рассказ, убеждался в том, что бывшая подружка Хорриса, несмотря на юный возраст, была не здорова. Но история проносилась с такой уверенностью, что Ральф уже не хотел прерывать возбужденно рассказывающую девушку.

Глава 2 Остров Самос

Я была третьим ребенком в семье одного богатого торговца. Мы жили на острове, который до сих пор называют вечнойзеленым и приносящим плоды даже не выжженной солнцем земле. Самос – был моей родиной, любимой и прекрасной, дарящий множество сюжетов для моей фантазии и творчества. Я единственная в семье хорошо рисовала, часами просиживая перед морем в любую погоду, делая разные рисунки, или наброски, которые потом становились картинами, украшая стены нашего огромного дома. Отец не хотел продавать мои работы, вывешивая их только у себя. Но при каждом удобном случае, когда собирались гости и мы отмечали очередное торжество, с гордостью демонстрировал мои пейзажи. Я была любимым ребенком, впрочем, моего младшего брата и сестру любили не меньше, но баловали, почему-то, только меня. И самые лучшие наряды и украшения я выбирала себе сама. Также как и друзей, чуть позже возлюбленных. Я не знала запретов. Ни в чем и никогда.

Маргарет прервалась и немного успокоившись, посмотрела на присмирившего и напуганного инспектора.

– Спасибо, что не прерываете меня. – Вам кажется, что это бред, или розыгрыш?

– И то, и другое, – Ральф откинулся на спинку кресла, – но если вам угодно, могу слушать дальше. – Остров Самос? Это

в Греции? А было это до нашей эры? – он старался быть любезным и спокойным, зная, что с душевнобольными не стоит спорить.

– Да, именно там. – Рядом с нами жили обеспеченные люди, у многих была своя земля, богатые дома, рабы и рабыни. И в нашем доме их было тоже не мало. Когда мне исполнилось 16, отец предложил сделать мне подарок: рабыню, или украшение. Я выбрала второе, не задумываясь и отнюдь не из-за жалости и протеста против рабства. Мне были несвойственны жалость и человеколюбие, особенно в те годы. Я не хотела, чтобы какая-то чужая женщина помогала мне одеваться, тем более, раздеваться, или укладывать мои волосы, или, еще хуже, помогать мне купаться. Любое вторжение в мою жизнь вызывало во мне отвращение. Тогда и сейчас.

В моей жизни встречалось не так много друзей, но если и были, то особенной близости в отношениях не было. Хотя, с некоторыми подругами мы обменивались разными секретами и клялись в вечной дружбе, закапывая в песок ракушки-ловушки, как мы их называли. Знаете такие небольшие ракушки, которые могут закрываться на створки. Именно туда мы и складывали наши записки с любимыми именами, или предсказаниями самим себе. Или клятвами. А потом закапывали обратно. Но морской песок ненадежное укрытие, особенно во время штормов, или наводнений. Можно было легко потерять место и свою тайну. Также и с человеческими чувствами. Я рано поняла, что не стоит доверять тайны,

даже самым близким и надежным людям, даже песку, даже морю. Никогда не знаешь, какой сюрприз тебе преподнесет человек, или природа. Поэтому, я всегда радовалась, что ракушки с моими записками никто не найдет. А если даже найдет, то никогда не поймет о ком, или о чем там написано.

Маргарет задумалась на некоторое время, а потом совсем успокоенная и умиротворенная продолжила.

– Я не так часто влюблялась, скорее мне больше нравилось подсмеиваться над юношами, которые проявляли интерес ко мне. В искренность чувств я не очень верила, или боялась верить. Интуиция меня редко подводила и расчеты некоторых воздыхателей я просчитывала заранее. Я считалась богатой наследницей. Земля, дом, дело моего отца, который готов был с радостью поделить все это между своими детьми, не забывая про ближайших родственников. Мой отец возлагал большие надежды на будущего зятя. Ему с каждым днем становилось тяжелее и тяжелее заниматься торговлей. Это важное занятие требовало много времени, смекалки и сноровки. Отец старел и за многим мог не уследить. Мой брат был слишком молодым и неопытным, чтобы помочь ему. А мы с сестрой были далеки от дел, тем более, таких серьезных.

Не буду хвастать, но на всем острове самые лучшие украшения были у меня, а драгоценности, которые я вплетала в свои волосы, вызывали восторг и зависть у многих моих подруг. У них не было таких густых и красивых волос, как у

меня, тем более таких красивых украшений. Отец специально заказывал их у самых лучших ювелиров. Особенно один браслет, напоминающий огромную летящую птицу, обрамленную множеством сапфиров и изумрудов. Я обожала надевать его. На обратной стороне была выгравирована фраза. «*κάθε λεπτό μαζί σου ευτυχία*».

Ральф вздрогнул от звука непонятных слов, произнесенных на другом языке. «Она настолько естественно и спокойно произнесла их, как будто греческий язык был ее родным», – пронеслось в голове инспектора.

– К сожалению, не могу вспомнить, как это звучало на древнегреческом, но на современном греческом это звучит именно так, – спокойно продолжала Маргарет, улыбнувшись растерянному выражению лица Ральфа.

– А что означает эта фраза? – не удержался он.

– «Каждое время с тобой – это счастье», – произнесла тихо девушка.

– Может быть, «каждая минута с тобой – это счастье?» – также тихо спросил Ральф. – Так звучит правильнее.

– Можно и так, но для меня счастье было в каждом времени, в которое я попадала.

Ральф тяжело вздохнул. Ему с каждой минутой становилось горько и больно, что молодая и красивая девушка страдала таким недугом. «Но как уверено она рассказывает», – изумленно думал он.

– Мне понравился один юноша. Красивый, умный, благо-

родный и из хорошего рода. Он давно заглядывался на меня, а я незаметно рассматривала его из своего окна, когда он проходил мимо со своими друзьями, или родителями. Все было решено с нашего обоюдного согласия. Что может быть лучше? Молодость влюбляется в молодость. Впереди годы счастливой жизни. Мои родители были добрыми людьми. Они никогда бы не стали настаивать и заставлять меня делать выбор без сердца, только умом, или расчетом. Я была влюблена, по-настоящему и верила, что это навсегда.

Наступило молчанье, лицо Маргарет помрачнело, а затем осветилось совсем другим светом.

– Оставалось несколько недель до свадьбы, когда я попала в дом к другу своего отца. Он был славен своим богатством, щедрыми пирами и красивыми речами. Мой отец часто называл его философом и цитировал его высказывания. Многие фразы я тоже брала на вооружение и пользовалась ими в нужные и важные моменты.

– Вам понравился другой? – снова не удержался Ральф. – Женщина слушает ушами...

– Не спешите, дорогой инспектор, делать выводы. Я действительно попала в дом известного философа, которому все поклонялись и которым многие восхищались, но понравился мне совсем не он. Я уже не помню, как возник этот спор, но «хваленный» философ не мог ответить на вопросы, которые ему задавали, разгоряченные от выпитого вина, гости. Они смеялись над ним и требовали ответа. Кажется, они по-

спорили на мешок серебряных монет, или на его дом, или жену? – Маргарет ненадолго задумалась.

Ральф прекрасно знал эту историю, тем более, того, о ком хотела рассказать девушка.

«Мне еще не хватало услышать эти басни, которые я читал в детстве», – ворчал про себя Ральф, стараясь не выдавать своего разочарования и недовольства.

– Потерпите еще чуть-чуть, – почти взмолилась Маргарет. – По вашему лицу вижу, что вы поняли, о ком я хотела рассказать.

– Да, дорогая, – со вздохом произнес Ральф. – Про этого баснописца сложено немало историй. Я читал. Вы хотите рассказать мне какую-то свою любимую.

Маргарет снова засмеялась.

– На самом деле друг отца, которого все называли мудрецом и философом, был глуп, тщеславен и самодоволен. Все знали, что его жена изменяет ему, друзья насмеваются, а рабы просто боятся. Все рабы, кроме одного. В тот вечер я увидела того, ради которого приходили многие гости. Они приходили послушать его. Я считала, что слушать раба – пустая трата времени, да и мысли мои были заняты другим. К тому же, вечером у меня было назначено свидание, поэтому можете представить, как мне хотелось поскорее уйти домой. Гости шумели и все настойчивее требовали, чтобы хозяин выполнил обещание. Я стояла в стороне и, отвернувшись, смотрела на море. Как оно было прекрасно в этот вечер. Вол-

нующее, тревожное, покрытое темными бликами и отсветами садящегося солнца. Среди гостей постоянно слышалось одно и то же имя. Они буквально выкрикивали его. Выкрикивали до тех пор, пока не появился тот, кого они звали. Даже когда наступила звенящая тишина, мне не хотелось поворачиваться и принимать участие в чужом споре. Затем раздался голос, неприятный, отталкивающий, сухой как песок в пустыне. Знаете, такие голоса, без глотка воды, без надежды, без чувств. А чуть позже я увидела то, что вряд ли могло называться человеком.

Помолчав немного, Маргарет продолжила.

– Его лицо пострадало то ли от ожогов, то ли от побоев, или какой-то странной болезни. Когда он шел, казалось, что его тело передвигается на костылях, а не на ногах. Руки, распухшие от тяжелой работы и покрытые язвами, больше походили на срубленные стволы, огромные и уродливые. Часть лица скрывали спутанные темные с седой проседью волосы. Одежда, поношенная и старая, едва прикрывала его тщедушное тело. В довершении ко всему отвратительный горб, сдавливающий плечи и шею. Видно было, что каждый шаг причинял боль, но была странная уверенность в каждом движении этого полсущества. И еще глаза, этот насмешливый взгляд, которым он одаривал нас, с ужасом, рассматривающих его.

– Если верить истории, то Эзоп был не таким уж уродливым, – Ральф решил, что даже безумию можно иногда про-

тиворечить. – Да и вниманием женщин он был не обделен.

– Это точно, – усмехнулась Маргарет, – только его внимание привлекали не многие. Ходили слухи, что он читает мысли людей, даже не взглянув на них. В тот вечер он почти спас своего хозяина и его богатство. А я видела, как жена этого философа, одна из красивейших женщин на острове, с восхищением смотрит на него. Казалось, что он сочиняет свои истории на ходу, записывая свои мысли и наблюдения в памяти, пробиваясь к человеческим порокам и достоинствам только глазами. В тот вечер мы не перемолвились ни словом, только обменялись взглядами. Его взгляд не задержался надолго на мне. Ни на моем лице, ни на ярком наряде, ни на сверкающих украшениях в моих пышных волосах. Не скрою – это было обидно, ведь я в те годы привыкла к вниманию и знала, что многие юноши и мужчины засматриваются на меня.

– Успели на свидание? – осторожно спросил Ральф, незаметно записав что-то в свой блокнот.

– Конечно, – улыбнувшись, ответила Маргарет, опустив глаза. – Мы так долго гуляли в этот день по берегу моря. Я слышала много восхищенных слов о своей красоте, о моем изысканном вкусе, о моем голосе, который сводил с ума моего жениха. Много слов и ни одного, которого бы я могла запомнить и сохранить в сердце.

Я вспоминала историю, которую рассказал Эзоп, и решила на следующий день нарисовать ее. День выдался жар-

ким, поэтому мне пришлось укрыться от солнца под листво́й огромного дерева. Место оказалось прохладным и от­крывало прекрасный вид на море, которое в этот день было спокойно, а небо безоблачно. Я любила выбирать безлюд­ные уголки, чтобы никто не мешал и не отвлекал вопро­сами и разговорами. Время бежало незаметно и, погрузившись в свои очередные фантазии, я даже не заметила, что кто-то пристально наблюдает за мной и за тем, что я рисую.

– Хочешь выпить целое море, не поделившись ни с кем?

От неожиданности я вздрогнула и выронила карандаш из рук. Эзоп ловко поднял его и протянул мне. Вблизи, при свете солнечного дня он показался мне еще уродливее. Насмеш­ливые глаза с интересом рассматривали меня.

– Любоваться уродством не для такой девушки, как ты, – заметил он, почтительно отойдя на расстояние.

– Кто сказал тебе, что я могу любоваться рабом? – я начинала все больше и больше злиться, чувствуя смущение и покраснев до корней волос.

– Твои глаза, – отвечал Эзоп. – Они ярче, чем сапфиры на твоём браслете и свободны, как эта птица на твоей руке. Скоро на ней появится обручальное кольцо, самое красивое. Его уже специально делают для тебя и твоего избранника. Вас ждёт долгая и счастливая жизнь. А ты хочешь выпить целое море? Наступит время, тебе будет мало и его. Захочешь снова стать свободной.

– Ты забыл, что я и так свободна, в отличие от тебя, –

засмеялась я. – Убирайся, иначе все расскажу своему отцу, и он избьет тебя розгами.

Эзоп рассмеялся, отступив еще на шаг.

– Если ты думаешь, что розги твоего отца изуродуют меня еще больше, то глубоко ошибаешься. Над моим телом работали настоящие умельцы.

– Действительно, выбили остатки ума из твоей глупой головы, – продолжала злиться я. – Отойди от меня и не приближайся. Тебе нет места рядом со мной.

– Рядом с тобой нет места никому, и не будет, – шурясь от солнца, произнес Эзоп. – А виноград действительно зелен, – продолжил он, отступая еще на шаг назад. – Кто учил тебя рисовать?

– Мне не нужны учителя. Я рисую с детства. Это называется...

– Талантом? – насмешливо произнес Эзоп.

– Талантом, – заносчиво ответила я. – Куда уж лучше, чем веселить подвыпивших гостей и чужих жен глупыми рассказами.

Эзоп засмеялся смехом, похожим на шуршание мокрого песка после дождя. Но отошел еще на некоторое расстояние от меня и присел устало на камень.

– Я бы хотел охранять тебя и называть своей госпожой. Почему рядом с тобой нет верной рабыни, или раба? – спросил он.

Мне не хотелось отвечать, но я, все-таки, ответила.

– Мне не нужны рабы. Я с детства могу справляться со всем сама.

– Глупое дитя, – грустно заметил Эзоп. – Рабы будут тебе нужны и очень скоро. Они помогут тебе добиваться всего, чего ты захочешь. Ты просто этого не понимаешь пока. Чуть позже поймешь.

– Чего же мне захочется чуть позже? – насмешливо спросила я, продолжая рисовать.

– Удовольствий. Поверь мне, чужими руками их всегда легче получать.

Многое в речах этого человека мне было непонятно. Но я испытывала странное спокойствие, когда он сидел недалеко от меня, чувствуя его осторожный взгляд, прислушиваясь к его словам, таким чужим и влекущим меня.

В тот день он не проронил больше ни звука и удалился также незаметно, как и пришел. Весь вечер я думала над его словами, не понимая, почему он сказал мне именно это. Я чувствовала беспокойство, неоправданное, странное и тревожное.

На следующий день я пришла к морю и издалека увидела, что Эзоп уже сидел на том же самом камне, где сидел вчера и, не мигая, смотрел на море. Молча я села на свое место под деревом и начала рисовать, даже не думая, что получится из моего будущего рисунка. В этот день мы не проронили ни слова.

Ральф вежливо кашлянул, и Маргарет стала говорить

быстрее, подгоняемая мыслями и воспоминаниями.

– Если хотите узнать, кто заговорил первым? – насмешливо спросила она. – То отвечу сразу, это была я. Мне хотелось снова услышать его голос. А еще мне хотелось, чтобы он рассказал о себе и о том, как он попал на наш остров. –

Эзоп послушно рассказывал мне обо всем, ни сдвинувшись со своего места.

– Все это время вы рисовали? Я имею в виду во время его рассказа, вы рисовали? – спросил Ральф.

– Да, беспорядочные, но точные рисунки, без сюжета и без тех умиротворяющих пейзажей, к которым привыкла моя рука. Каждый день я приходила на то же место. Эзоп сидел на своем камне, как будто не уходил никуда, ожидая меня и...

– Ваших приказов? – спросил Ральф.

– Я уже не приказывала. Просила, иногда смеялась, немного грустила. Не скрою, мне нравилось его слушать, не поднимая глаз от рисунка, или наблюдая за ним незаметно. Эзоп не нарушил своего слова и ни разу не приблизился ко мне. Он был послушен и внимателен. Его рассказы не идут ни в какое сравнение с тем, что мы читаем и слушаем сейчас. Гораздо интереснее, сильнее и намного мрачнее. В них больше... – Маргарет запнулась, подбирая слово, – ...больше жесткости. При этом он был добр и щедр. Словами, взглядами, улыбками, которые озаряли его лицо, в самые неожиданные моменты.

Один из рабов моего отца однажды проходил мимо и, увидев, меня и Эзопа, испуганно подбежал, чтобы отогнать его. Я разозлившись, прогнала его, обзывая самыми последними словами. Я могла быть грубой и беспощадной даже в те юные годы. В тот момент я была довольна собой и думала, что услышу слова благодарности от Эзопа. Но ошибалась, как и во многом, что мне представлялось тогда допустимым и таким важным.

– Самое главное человеческое умение, – произнес он после, – это умение сдерживаться и находить нужные слова. У тебя нет ни того, ни другого, – сухо сказал он, отвернувшись.

– Я защитила тебя и ты же еще не доволен? – возмутилась я. – Он бы ударил тебя, причинил боль.

– Но обижать подневольных людей легче. Попробуй сразиться с равными тебе, не потерпев поражения, – сказал он, рассматривая песчинки на своей ладони.

– Я – женщина и воевать ни с кем не собираюсь, – заносчиво ответила я.

– Это верно. Но у женщины есть другое оружие. Используй его и люди будут не только бояться тебя, но и любить. Не только выполнять твои желания из-под палки, но добровольно предлагать свою помощь. Умей добиваться своего, не прибегая к оскорблениям и угрозам. Будь достойной своей красоты и положения. Ты ведь не рабыня?

Я ничего не ответила и даже не попрощавшись, удалилась домой. Как мне не хотелось признавать этого, но гнев иногда

мешал мне, а спокойствие покидало в самые важные минуты.

Многое из того, что рассказывал Эзоп пригодилось мне и помогало потом в самые сложные минуты. В той жизни их было не мало. Были победы и поражения, но я училась терпению и выжиданию. Училась слушать и меньше говорить. Училась атаковать в самый последний момент, когда уже не оставалось другого выхода и давать вовремя отпор. В моей жизни встречалось много интересных людей. Были и те, в которых я влюблялась, забывая обо всем на свете.

– Так вы вышли замуж? – удивленно спросил Ральф.

– Конечно, – бодро ответила девушка. И не за Эзоп. – Замужество не мешало мне иметь любовников. – Осуждаете?

– Кто я такой, чтобы осуждать девушку, знакомую с самим Эзопом, – ухмыльнулся недовольно Ральф. – А Эзоп? Что стало с ним? – инспектору было интересно услышать конец этой выдумки.

– Мы встречались с ним даже после моей свадьбы, – продолжила Маргарет. – Через некоторое время я поняла, что мой муж не справится с делом, который отец передал мне по наследству. Он был хороший и добрый человек, но не воин и не борец. Поэтому с делами пришлось справляться мне самой. Зато все деньги проходили через мои руки. Мне не надо было отчитываться ни перед Все получилось так естественно и безболезненно. В один прекрасный момент я поняла, что хочу, чтобы Эзоп был рядом со мной. Постоянно. Был только один выход. Выкупить его. Я собиралась предложить

хорошую сумму его хозяину. За такие деньги он смог бы отдать долги и купить сотни других рабов. Каково же было мое изумление, когда на острове прошел слух, что хозяин Эзопа даровал ему свободу.

Маргарет закрывает глаза и видит лицо, другое, но такое родное и любимое.

Бросив все дела, я побежала на берег, к нашему месту, где мы обычно встречались. Но его нигде не было. В доме своего бывшего хозяина его тоже не видели. Его немногочисленные друзья и знакомые только пожимали плечами в ответ. Казалось, что он пропал. Я боялась, что он ушел, забыв, даже попрощаться со мной.

Но я ошибалась. Через пару дней, я увидела его сторбленную фигура на том самом месте, где мы впервые встретились. Я почувствовала облегчение и, не скрываясь, побежала к нему.

– Я так рада, что ты свободен, наконец-то свободен, – задыхаясь от бега, произнесла я, подходя совсем близко. – Ты не будешь одинок. Можешь жить у меня. Самая лучшая комната в доме будет твоя.

– В качестве кого? – не глядя на меня, спросил Эзоп.

– В качестве гостя, друга, родственника. Кого захочешь, – я чувствовала волнение, которое усиливалось тем, что рядом с Эзопом была небольшая котомка. Та самая, которую берут в дорогу, предполагая долгий путь.

– Слишком много для бывшего раба, – сухо ответил он,

так и не взглянув на меня.

– В качестве любимого, – не выдержала я, срывающимся голосом. – В качестве самого любимого и единственного.

Эзоп отвернулся, скрывая выражение своего лица, а я уже не могла скрыть слез, хотя так не любила плакать, зная, что слезы – это первый признак слабости и несчастий.

– Я пришел проститься. Скоро в дорогу. Я так ждал этой свободы, – усмехнувшись, говорил он. – Не будь слабой. Ты же знаешь, что остаться с тобой, было бы слишком большой роскошью для меня. В конце концов, почувствуй свободу от меня, – шутил он. – Это как...

– ...как выпить море? – я уже не сдерживалась, понимая, что наступают последние минуты. Точно зная, что больше я его не увижу.

– У тебя есть дар, – тихо сказал он, – смотря в мои глаза, – ты умеешь любить. Береги этот дар. Наслаждайся каждой минутой этой любви. У тебя будет много любви. Не растрачивай ее зря, по пустякам.

– Но я и так свободна, – ветер усиливался, и мне приходилось почти кричать, чтобы он не заглушил мои слова.

– Мне даже нечего тебе подарить на память, – сказал он, поднявшись и отступив на несколько шагов назад. – Не плачь, дай мне эти несколько минут, полюбоваться тобой. Дай мне запомнить тебя красивой, сильной и свободной.

– Но я и так свободна, – почти шепотом произнесла я, понимая, что всё бесполезно.

– «κάθε λεπτό μαζί σου ευτυχία», – были его последние слова. Те самые, которые были на моем браслете.

– А его вы больше не видели? – осторожно спросил Ральф.

– В те времена мы уже не встречались, – совершенно спокойно ответила Маргарет. – А вы так и не верите мне, инспектор?

– В это сложно поверить, хотя слушать вас было интересно, – засмеялся Ральф. – А эту надпись, я, кстати видел.

– Да, такая же надпись была на часах у Стива. На его любимых часах. Я видела ее не раз. И не только я. Стив обожал менять часы. Кажется, марка этих часов тоже называется Aesop? Вы не знаете?

– Маргарет, – Ральф старался говорить спокойно и убедительно. – Я никогда не поверю, что Вы могли причинить боль и вред Стиву Хоррису. – Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Это правда. Даже если вы признаетесь. Не вините себя ни в чем.

– Если бы я могла найти его сейчас, – девушка опустила голову, раздумывая на чем-то. – Его всегда так тяжело найти и узнать, – прошептала она.

– А в те другие времена? – Ральф смутился от собственного любопытства, но продолжил, – вы же как-то узнавали его, когда вы встречались?

Маргарет лукаво смотрела на лицо инспектора.

– Хотите услышать, как я встретила Стива во второй раз?

Ральф с опаской посмотрел на девушку, понимая, что

ужин с друзьями безнадежно потерян. Впрочем, ему уже не хотелось уходить.

– Боюсь представить, где и когда, – засмеялся он.

– На охоте, – доверительно шепнула девушка. – Второй раз мы встретились на охоте...

Глава 3 Браннен

Ральф дал Маргарет несколько минут для отдыха, не спрашивая больше ни о чем, не задавая лишних вопросов и стараясь даже не смотреть на нее. Всегда нужны эти несколько минут, как запасной вариант и возможность передумать. Он не верил ни единому слову девушки, тем более ни секунды не сомневался в том, что она могла быть больна. Инспектор подозревал, что Маргарет симулирует, или просто пытается отвлечь его от самого главного. От того, ради чего он пришел к ней. «Одно из двух, – думал он, делая вид, что рассматривает книги на полках, – она уже все знает и скрывает, или пытается выведать у меня, где Стив».

– Я почти не помню родителей, – наконец начала Маргарет. Наша немногочисленная волчья стая жила на одном из северных побережий Гренландии, спрятанном от человеческих глаз среди огромных скал и утесов. По льду, покрывавшему океан, можно было добраться до соседних островов, что мы часто и делали, когда у нас заканчивалась запасы мяса, а охотиться было не на кого. Мы перебирались с одного места на другое, теряя своих сородичей и безжалостно расправляясь с добычей, которая попадалась нам на пути. Вернее охотились мои родители, я была слишком мала и труслива. Когда они переносили меня за загривок, пробираясь в ущелье, я крепко зажмурировала глаза, настолько страшно

мне было смотреть вниз. И наоборот любовалась замерзшей водой, когда они осторожно скользили по толстому льду. Я до сих пор помню, как у меня перехватывало дыхание, когда они неслись по снежному полю все быстрее и быстрее. Их шкуры была гораздо теплее, моей, поэтому я мерзла больше. Зато очень быстро отогревалась на их груди, когда они отдыхали, находя теплые места в скалах, или в чужих жилищах, в которые они бесцеремонно вторгались. Волков боялись почти все, даже белые медведи, которых я видела несколько раз издалека. Некоторые звери, гораздо сильнее, избегали встречи с нами. Стая была небольшая, но сильная. В те времена, охотники еще не дошли до наших земель, поэтому бороться с людьми нам не пришлось. Зато я рано почувствовала боль от чужих клыков и когтей, после которых оставались шрамы.

Я до сих пор помню вкус оленины, такой нежный и пряный, почти сладкий и пьянящий, приправленный кровью и страхом, который оставался в глазах убитого животного. Убивать не так страшно, на самом деле. Страшнее защищаться, особенно, когда силы не равны. Когда я повзрослела, мне нравилось охотиться, но это было чуть позже и моих родителей уже не было рядом.

– А первую свою добычу вы помните? – сохраняя невозмутимый вид, спросил Ральф.

– Конечно, – серьезно ответила Маргарет. – Заяц, очень большой, я сама выследила его по следам на снегу, а потом долго ждала, когда он выйдет из своей норы. Это было ни с

чем несравнимое наслаждение вцепиться в его горло, такое мягкое и податливое.

– Но повторяю, моя охота началась чуть позже, – спокойно продолжила Маргарет. – Как я уже говорила, равных нам не было на всем побережье, пока не появились волки-чужаки, как мы их называли. Их было гораздо больше нас. Мы слишком поздно поняли, что они намного сильнее. Я никогда не видела волков такого огромного размера. Их черная как сажа шерсть отливала дымчатым блеском, и издалека казалось, что по белому снегу передвигается туман, или густой дым. Огромные, кровожадные и жестокие они уничтожали почти все живое, что попадалось им на пути. Убивали без причины и даже не из-за голода. Они напали на нас рано утром, полусонных и уставших, после ночной охоты. Это была ужасная схватка, когда всюду слышалось глухое и раскатистое рычание, скрежет зубов, истошный вой и стоны. Снег сначала покраснел, а потом почернел от крови. Мои родители отбивались до последнего, прикрывая меня, испуганную и не понимающую, что происходит. Страх сковал все мое тело, лапы не слушались, возможно, не только от ужаса, но и от холода. Я уже слышала тяжелое смрадное дыхание совсем близко и пятилась назад, даже не пытаюсь бежать. Я снова зажмурилась, понимая, что мне осталось не долго. Два огромных зверя были совсем близко, их глаза светились как горящие угольки, а внутри зрачка плясали красные полосы, похожие на огонь. В эти минуты я четко знала, как выглядит

смерть. Мое тело оцепенело окончательно от холода и ужаса, и я позабыла все советы, которые когда-то давали мне старшие волки.

В этот самый момент я услышала, что кто-то несется сзади, очень быстро, как вихрь и ураган, но гораздо быстрее. Я уже не знала чего мне бояться больше, того зверя, который бежал сзади, или тех, кто стоял прямо передо мной. Зверь перепрыгнул через меня и, оскалившись, преградил путь ко мне. Теперь я увидела, что это был тоже волк, но совсем не похожий на нашу стаю, или тех убийц, которые уничтожили всю мою семью и пытались загрызть меня. Волк был темно-рыжий, почти медный, с огромными лапами и раскосыми рыжими глазами, напоминающими два полумесяца. По размеру он был меньше нападающих волков, но двигался гораздо быстрее, не давая противнику время опомниться. Я до сих пор помню, как они дрались, разрывая друг другу бока когтями и прокусывая шкуры острыми клыками. Один из волков, пытался ухватить рыжего за шею и подбирался сбоку. Другой, оценившись от ненависти и нетерпения, прижимал его к скале, пытаясь запрыгнуть на спину. Но мой неожиданный спаситель ловко уворачивался от ударов. Он прыгал из стороны в сторону, то набрасываясь на противника, то ловко отбегая назад, нанося удар за ударом своими сильными лапами. Его удивительная скорость и высокие прыжки отвлекали и злили нападающих еще больше. Главным преимуществом рыжего были длинные лапы с острыми когтями, кото-

рые помогали ему с легкостью разрывать шкуру противника. Одному он уже повредил глаз, и тот со стоном пытался запрыгнуть на него, чтобы вцепиться покрепче. У другого тоже заканчивались силы. Пару раз волки-убийцы делали попытку добраться до меня, но рыжий оказывался быстрее и снова преграждал им дорогу. Потом, перепрыгнув через них, он стал убегать, огибая скалу и уводя своих преследователей от места, где я, дрожа от страха и ужаса, наблюдала за кровавым поединком.

Бежать мне было некуда, поэтому зарывшись в снег, я сидела и ждала. По стонам было трудно понять, кто выйдет победителем и сколько мне осталось жить. Неожиданно все стихло и я, напрягая слух, пыталась понять, кто из троих победил, чего мне ждать, к чему готовиться. Я боялась выглянуть из снежного сугроба, в который зарылась, пытаясь согреться. Потом я почувствовала, что чья-то лапа осторожно убирает снег с моей шерсти, а чуть позже увидела два рыжих глаза прямо над моей головой. Два внимательных, напряженных и светящихся в темноте глаза, которые рассматривали меня.

Голос Маргарет, дрожащий вот волнения, становился опять уверенным и спокойным.

– Так, лишившись родителей, я нашла друга и того, кто научил меня всему. Выживать, не бояться и не выть на луну по пустыкам. Браннен не боялся ничего и никого. Ни диких зверей, ни снежных духов, которые не раз преследовали нас.

Я чувствовала себя в безопасности с ним почти всегда, даже в моменты, когда казалось, что мы уже не выживем.

– Браннен? – переспросил Ральф. – А как вы разговаривали? – Ральфу было действительно интересно, как она ответит.

– Волки не разговаривают, – Маргарет глухо засмеялась. Возможно я и сумасшедшая, но знаю точно, что волки не разговаривают. У них есть свой язык. А еще они иногда могут читать по глазам. Правда, первое время мне было очень трудно привыкать к глазам Браннена, тем более смотреть в них. Он мог, не мигая смотреть на меня, в самые неподходящие минуты, то рассматривая, то скаля зубы, как будто хотел напасть на меня. Трудно было понять, что он думает, и что последует за этим. Но со временем я научилась доверять ему и выдерживать взгляд его глаз-полумесяцев. Он был очень красив. Особенно в те спокойные минуты, когда в его зрачках поселялось удовольствие и покой. Они то расширялись, то суживались, а дыхание становилось спокойным и безмятежным. Браннен мог быть ручным, или казаться ручным, особенно когда отдыхал. В эти минуты он позволял мне приблизиться к себе и уткнуться в шею. Я чувствовала запах дыма и соленого моря, исходящего от его блестящей на солнце шкуре.

Мне нравилось любоваться изгибом его шеи, такой сильной и манящей меня чуть позже, когда я повзрослела и смотрела на него уже не глазами маленькой волчицы. Я восхи-

щалась той грациозностью, с которой он не спеша передвигался. Той легкостью, с которой он мог преодолевать любые препятствия и той удивительной скоростью, которой я так и не смогла научиться.

По дороге нам иногда попадались стаи волков, которые были готовы принять нас. Но Браннен хотел оставаться одиночкой.

– А как же вы? – Ральф каждый раз ругал себя, что прерывал рассказ Маргарет, но не мог сдержаться.

– Даже с волчицей можно быть одиночкой. А я в то время была еще мала, многого не понимала. В тот день, когда он спас меня, я почти не спала, хоть и чувствовала, что бояться не стоит. Но я тосковала без родителей и скулила всю дорогу, пока мы шли к его логову в огромной пещере. Он даже не смотрел в мою сторону, но шел помедленнее, давая мне возможность успеть за ним.

Маргарет снова замолчала, закрыв глаза. Ральф подумал, что на этом рассказ закончится, но ошибался.

– Когда он злился, я по-настоящему боялась его, – продолжила она через несколько минут. – Пару раз он кусал меня, очень больно, но не до крови. Это часто приводило меня в чувство и отгоняло страх, который преследовал меня долгое время. Особенно, когда нам приходилось перепрыгивать через ущелья и обрывы. Но не укусов я боялась больше всего, а его насмешек и сомнений, что из меня может получиться настоящий волк. Мне нравилось охотиться на зайцев,

а Браннену не нравилось заячье мясо и мое желание выполнять самые легкие задания. Поэтому, когда я чуть подросла, он взял меня на охоту на оленя. Есть мясо трусливого зайца – было не для него. Он хотел настоящего зверя, с которым можно было сразиться и победить. Мы долго бродили в поисках, пока он не почувствовали запах добычи. Движения Браннена стали не слышными, а прикрытые глаза были похожи на две иглы, готовые ужалить в любую минуту. Он шел впереди. Я, стараясь не шуметь, шла сзади. Олень был очень крупный, в два раза больше тех, на которых охотились мои родители. Он, кажется, тоже почувствовал запах угрозы, поэтому стоял в отдалении, не шевелясь и прислушиваясь к любому шороху. Браннен обошел его и медленно продвигался сбоку, осторожно обходя снежные сугробы и заледеневшие камни. Я знала, что лучший прыжок – этот тот, который позволяет тебе вцепиться в горло противника. У меня уже были острые клыки и крепкие когти, чтобы вцепиться в добычу и разорвать ее на части.

В тот день мне хотелось удивить Браннена и прыгнуть первой. Я слишком переоценила свои силы и недооценила волнение, которое так мешало мне. И еще страх, он теплился во мне, не давая покоя ни днем, ни ночью, напоминая о гибели моей стаи. Я обошла оленя, пытаясь выбрать место поудобнее. В тот момент, я даже не предполагала, что подвергаю опасности не только себя, но и своего друга, который ничего не подозревая, пробирался к оленю с противоположной сто-

роны. То ли волнение сказалось, то ли моя неопытность, но олень услышал именно меня и его горящие от испуга глаза сразу нашли меня, прячущейся за огромным камнем. В этот момент меня увидел и Браннен, быстро поняв, что я решила опередить его. Я прыгнула, почти допрыгнув до спины оленя, который с отчаяньем раненного зверя, стал стряхивать меня, пытаясь сбросить на землю. Мне трудно было держаться когтями за его гладкую, почти без шерсти шкуру. В какой-то момент, я ослабла, и он сбросил меня через голову, прямо перед собой и его острыми черными копытами. Остались считанные секунды и он, сначала попятившись назад, уже был готов затоптать меня. Этих несколько секунд были достаточны для Браннена, чтобы схватить меня за загривок и успеть отбросить в сторону. Олень не успел ударить меня, но Браннену достался сильный удар прямо в живот и он упал на спину. Я понимала, что еще мгновение и олень затопчет его. Забыв про страхи и боль, я снова прыгнула. Злость и страх за любимого друга делали меня сильнее. В этот раз я прыгнула с нужной стороны и вцепилась ему в горло. Оно не было таким мягким и податливым, как у зайца. Мне понадобилось некоторое время, чтобы прокусить его. Моей ненависти и голода оказалось достаточно. Спустя некоторое время олень опустил сначала на колени, а потом окровавленный завалился на бок. Он так вкусно пах кровью и свежим мясом, что у меня закружилась голова. Но забыв о голоде, я подбежала к Браннену.

Маргарет засмеялась, а Ральфу показалось, что зрачки девушки сузились, напоминая зрачки волка.

– Он выжил? – спросил он.

– Конечно, и больно укусил меня за плечо. На этом месте у меня до сих пор шрам, – добавила она. – Хотите посмотреть? Шрам чуть ниже, на правом плече.

Ральф, отшатнувшись, запротестовал, но девушка быстро расстегнула кофточку и оголила правое плечо. Ральф действительно увидел шрам, похожий на укус животного с большими и острыми клыками.

– Мне было больно. Больно и обидно. Он даже не дал мне притронуться к оленю, хотя я была голодна и устала не меньше, чем он, – почти обиженно рассказывала она. – Одного случая было достаточно для меня, чтобы понять, что первый и решающий прыжок был его и только потом мой. Я подрастала, становилась сильнее, перенимая все привычки и уроки Браннена, следуя за ним его тенью и с каждым днем привыкая к нему все больше и больше. Но со временем мне хотелось уже не только друга. Я хотела большего.

Ральф засмеялся.

– Только не говорите, что вы не нравились вашему волку, – заметил он. – Уверен, что вы были красивой волчицей.

Маргарет смущенно улыбнулась.

– Пару раз ночью, когда он спал, я тихонько приближалась к нему, но у него был чуткий сон, а просыпаясь, он отгонял меня, сначала оскалившись, а потом насмешливо смот-

ря в мои глаза. Так продолжалась несколько месяцев. Все мои попытки были напрасными, он отгонял меня, и мне было страшно. До тех пор, пока я забыла страх и...

– ...стыд? – понимающе сказал Ральф.

Девушка кивнула головой.

– и стыд, – согласилась она. – Но его не должно быть, когда по-настоящему любишь. У меня кружилась голова не от страха, а от желания. В глазах Браннена я видела уже не злость. Сначала было удивление, а потом удовольствие. Волки – не люди, не задумываются о последствиях и почти не взвешивают "за", или "против". И если решают быть вместе, то не сомневаются друг в друге. Мне уже не хотелось в другую стаю, хотелось быть только с ним. Навсегда, прислушиваясь к его дыханию и ритму его сердца.

Лицо Маргарет становилось все грустнее.

– Остается совсем немного, и я закончу свой рассказ, – тихо сказала она, снова опустив голову.

– Только не говорите, что он ушел, – удивился Ральф.

– Ушел. Но по-другому. Навсегда, – устало рассказывала Маргарет. – Даже у самого сильного и бесстрашного волка в какой-то момент могут закончиться силы. А в тех местах, где мы жили, приходилось бороться за жизнь каждый день, из года в год. Но страшнее, когда на тебя нападают такие же волки, как ты. Только их больше и они безжалостнее. Нам приходилось вступать в схватку с волками. Были те, которые в сезон голода на побережье выслеживали своих. Они зна-

ли, что нас только двое и напали. Их было слишком много, даже для Браннена, который мог убежать, но у меня уже не было сил. Я задыхалась, окровавленная и ослабленная, пока он снова и снова, преграждая путь передо мной, не дрался с теми, кто пришел уничтожить нас. Он не давал им приблизиться ко мне, как в первый раз. А я уже не могла ему помочь. На некоторое время нам удалось убежать от них и спрятаться в горах, но мы видели, что к ним присоединились другие волки и они знают, где нас искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.